

**ЧЕРТА
НЕВОЗВРАТА**

**Сергей
SKOLORUSSOV**

16+

Сергей Skolorussov

Черта невозврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40621817

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта история имела своё место в перечне самых трагических событий современности. Но она произошла не в том месте, не в то время и не с теми людьми, которые описаны в книге. Природа не прощает тех, кто не подготовлен, не осторожен, кто легкомыслен и слаб. Она люто мстит тем, кто наивно считает, что человек «царь природы». А если в цепь случайных событий вкрался чей-то злой умысел, то финал почти всегда неизбежно ужасен. Тем не менее, эта книга о дружбе и зависти, о глупости и смекалке, о слабости и упорстве, о верности и предательстве, о любви и ненависти. О способности человека совершить невероятное и преодолеть невозможное.

Содержание

Глава первая	4
22 июня 2018 года	4
Глава Вторая	36
22 июня 2018 года	36
Глава Третья	57
22 июня 2018 года	57
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава первая

Отлёт

22 июня 2018 года

Шереметьево, терминал А

Было раннее утро хорошего московского лета. Размеренную тишину терминала для бизнес-авиации неожиданно нарушили быстрые шаги человека в лётной форме, практически подбежавшего к зоне досмотра.

– Опаздываете, Виктор Павлович, – улыбнулась ему милостивая девушка в форме работницы терминала.

Лётчик взглянул на часы:

– Пробка, подарок из Африки! – отшутился он, обыграв цитату из популярного фильма. – Мы-то работать хотим. А вот народ куда в такую рань прётся?

– Пятница. Жара. На небе – ни тучки. Все спешат занять своё место под солнцем.

– Мужу привет! Извини, опаздываю.

Проскочив через арку металлодетектора, лётчик схватил с тумбочки завибрировавший смартфон и, убегая, крикнул в трубку:

– Дима, я уже здесь!

Торопливого пилота проводили взглядом не только работница аэропорта, но и два человека, одиноко стоявшие в зале ожидания. Моложавый мужчина в строгом костюме, держащий в руках журнал «Forbes», проворчал:

– Ну всё, шеф наконец-то купил себе самолёт и теперь совещания и планёрки будут у нас называться исключительно «летучками».

– Что тебе, Серёжа, не нравится? – с непроницаемым выражением лица поинтересовался его собеседник.

– Не называй меня «Серёжа»! Я не твой зам, а Вельтмана. Только он меня может так называть. А не нравится мне одно: подрываться, как идиот, ни свет ни заря, чтобы скакать сумасшедшим галопом в Шереметьево.

Он нервно постучал журналом по ладони руки.

Его визави говорил спокойным хриловатым голосом, смотря при этом через стекло на практически пустую автомобильную стоянку. Такая манера общения явно раздражала нервного «Серёжу».

– Чего ты хорохоришься? Ты на этой должности без году неделя. А я в конторе уже двенадцать замов пережил. Вот станешь моим шефом, тогда и будешь указывать, как тебя называть. А пока ты для меня – Серёжа.

Серёжа задёргался, но удержался от дальнейшей пикировки:

– Надеюсь шеф в хорошем настроении.

– С каких это щей?

– Вот. В списке «Форбс» он на два пункта поднялся, – Серёжа небрежно помахал журналом.

– Не вздумай об этом Вельтману сказать. Он терпеть не может упоминания своего имени в прессе.

– Но ведь это престиж! Он поднялся в списке.

– Поднялся говоришь? Пошли! Шеф приехал, – он указал на одинокий автомобиль, проезжающий через ворота охраны приватного терминала. – Сейчас он тебя опустит с небес до уровня городской канализации.

Леонид Вельтман не входил в двадцатку богатейших людей России. Но с начала двухтысячных имя этого долларового миллиардера в списке «Форбс» фигурировало постоянно. Его интересы в бизнесе простирались от владения активами крупных промышленных предприятий до ресторанного бизнеса. Но основной свой капитал он нажил не вполне честной игрой на бирже.

Выйдя из машины, Вельтман сразу устроил разнос:

– Серёжа, вчера из нашей конторы извлекли семнадцать жучков. Семнадцать!

Сергей Валентинович Губский, заместитель генерального директора инвестиционной компании «LEOVEL», являющейся прикрытием для проведения крупных спекулятивных сделок, подобострастно промямлил:

– Я в курсе, Леонид Вячеславович ...

– Да мне начхать, что ты в курсе! Что делать будем, Серёжа?

– Будем искать.

– Кого искать? Развёл бардак в конторе в моё отсутствие. Проходной двор. Семнадцать жучков! Это получается, что все, кто хочет – от конкурентов и вплоть до ФСБ – знают каким ты пальцем в носу ковыряешь. В такой ситуации о какой сверхприбыли мы можем мечтать? Остаётся сидеть и ждать, когда «моржовый Колян» к нам в дверь постучит.

– Ну, Margin call нам не грозит...

– Пока не грозит! Пока, – перебил его босс.

– Выявление жучков не входит в мои прямые обязанности. У нас для этого Служба безопасности во главе с господином Солнцевым существует, – «Серёжа» попытался перевести стрелки на стоявшего рядом с ним Алексея Солнцева.

Это привело Вельтмана в бешенство:

– Что?! Послал бог заместителя. Я буду тебя спрашивать за всё! Ты меня замещаешь. Слышишь? Меня! А не какие-то там бумажные обязанности выполняешь. Уволю к едрене фене всех. Начиная с тебя и до поломойки! Последнее тебе предупреждение.

Солнцев:

– Леонид Вячеславович, жучки могли поставить только свои. Три дня назад их ещё не было. Из чужих нас за это время посещала только противопожарная инспекция. Но я сам с ними лично ходил, как поводырь.

Вельтман:

– Вот видишь, господин Губский. Жучки ставила крыса.

Пока не найдёте – кто, когда и зачем – включаем план «Б».

– Понял. Никаких несанкционированных вами контактов, никаких документов вне сейфа.

Солнцев:

– По поводу вашей поездки. Может, в помощь к Сурганову ещё пару ребят добавить?

– Лёша, что они там будут делать? Ты совсем уж не психуй!

– Бережёного бог бережёт.

– Глупости не морозь. Туда что, подводную лодку подешлют или истребитель? Может снайпер на лыжах припрётся? Или того лучше – отряд боевых чукчей на собаках? Лучше скажи, там всё готово?

– ВПП расчистили. Грузовой борт вылетел из Мурманска полчаса назад. Так что вы будете садиться уже на испробованную полосу. С места докладывают, что погода сегодня хорошая: ветра нет, туч тоже. Пока стоит туман, но к вашему прилёту всё должно наладиться.

В это время к входу в терминал подрулил автобус с эмблемами «LEOVEL» на бортах.

– Договорим у трапа. Дочь приехала.

Из автобуса вывалилась группка шумных молодых ребят. Девушка весело помахала Вельтману рукой. Все прошли в зал ожидания.

Через минуту отец и дочь обнялись:

– Могла бы по приезде в Москву и навестить старого отца.

– Ну, пап. Мы с тобой по «Вайберу» общаемся. Каждую неделю.

– Не прикидывайся глупышкой.

– Ну ты же знаешь, что я не переносу эту твою новую.

– Могли бы встретиться на нейтральной территории.

Маргарита вновь обняла отца и поцеловала:

– Вот мы и встретились. И вообще, не зови меня больше к себе домой. Пусть всё будет так, как сейчас. Мы с тобой сами по себе – она сама по себе.

– Но у тебя там брат.

– Брат ещё слишком мал, чтобы мы с ним ощущали необходимость в родственных отношениях. Лучше скажи, какой ты мне сюрприз приготовил? – переключила она разговор на нейтральную тему.

– Не скажу. Это же сюрприз.

К ним подошли друзья дочери.

– Здравствуйте, Леонид Вячеславович! – прошептала Есения. – Куда мы летим?

– Летим в тридевятое царство, в тридешатое государство, за аленьким цветочком для невест и красавиц. Боже мой! Как вы за год все расцвели. Парни возмужали, девушки похорошели.

Вельтман с ребятами здоровался за руку, а девчонок целовал в щёку. Чмокнув Есению, он улыбнулся:

– Зачем такой красавице морщить лобик, задумываясь о цели нашего полёта. Пусть сюрприз принесёт вам только

приятные неожиданности.

Продвигаясь в своём приветственном пожимально-целовальном обряде, отец Маргариты дошёл до высокого симпатичного парня. Дочка тут же приобняла красавца за талию:

– Папка, это мой близкий друг! Парень, как ты говоришь.

Зовут его Грегори.

Грегори засиял прямыми рядами выбеленных зубов:

– Добрый дэн, Вачислав Ленидович! Рад знакомству!

– Аналогично, – пожал ему руку Вельтман.

Агния мечтательно прокомментировала подругам:

– Марго всегда умудряется самых красивых мужиков подцепить. Где она их находит?

Алиса в той же мечтательной тональности добавила:

– Какие всё-таки красивые имена у иностранцев: Гре-го-ри. У нас таких не бывает.

Штатный циник компании Ефим тут же вставил свои «пять копеек»:

– Конечно, не бывает. У нас с такими именами отродясь никого не было. «О! Найн Грэгори! Найн! Грэгори, найн! У! У! Я! Я!! Я!!! Натюрлих майн либен Анна Вырубова! О! О! О!!! Дастиш фантастиш!», – изобразил он в лицах диалог из традиционного немецкого фильма.

Парни заржали, Алиса фыркнула:

– Клоун!

– К вашим услугам. Морозьте дальше чушь, я буду рядом на подхвате, – Фима картинно раскорячился в реверансе.

В это время к Вельтману подошла моложавая дама в строгом синем костюме с бейджиком на груди, на котором были написаны её имя и должность:

– По списку собрались все, – сообщила она Вельтману. – Будем кого-нибудь ещё ждать?

Отец Маргариты обвел взглядом молодёжь и, не обнаружив ни у кого желанья высказаться по этому поводу, подвел черту:

– Нет. Полный комплект. Больше никого не ждём.

– Тогда прошу всех пройти в самолет.

Пока молодёжь поднималась по трапу, Вельтман, Солнцев и Губский остановились чуть поодаль.

Вельтман, перекрикивая шум прогреваемых моторов:

– Как по плану «Б» зовут наш источник в Центробанке?

Солнцев:

– «Белочка».

– Что за идиотизм? Это шутка такая?

– Так с вами же согласовано! Давно.

– Видимо с годами у меня меняется чувство юмора. Впрочем, ладно. Не до разборок сейчас. Меня интересует, почему этот грызун, эта «бэлочка», перестал приносить нам скорлупки золотые? Он за свой инсайд получает миллионы баксов. А мы в последнее время едва сводим концы с концами.

Губский, перебивая:

– Леонид Вячеславович, у нас неплохие цифры по последнему кварталу...

– Вот именно – не плохие, – недовольно поморщился шеф. – Я же хочу, чтобы они были отличными. Серёжа, почему мы не знали заранее, что «Мегафон» откажется от выплаты дивидендов за 2017 год? Чего молчим, Серёжа? Мы поллярда могли на этом заработать.

– Леонид Вячеславович ...

– Да я знаю, что ты скажешь, – Вельтман махнул в досаде рукой. – Но почему мы в последнее время обо всем узнаем, в то же самое время, как и обычные лохи?

– Леонид Вячеславович ...

– Что «Леонид Вячеславович»? – передразнил его босс. – Почему наши конкуренты нажились на взлёте и обвале «Магнита», а мы в крошечной темноте конечной части пищеварительного тракта барахтаемся, наблюдая, как другие делят барыши? Короче! Я не буду приводить весь список ваших проколов. Он просто охрененный! Даю вам три дня, чтобы привести всех наших инсайдеров в тонус. Они уже оборзели! По полной! Гребут бабло без всякой отдачи. Просто так – за обещания будущих райских кущей. Но мне, чтобы слушать такие обещания, достаточно сходить в церковь. Причём почти бесплатно. Они что, думают мы с них не спросим по всей зарплатной ведомости? Или может они конкурентам сливают? Если выяснится, что это так – Лёша, ты знаешь, что делать. Мы ещё за свои деньги конкурентов будем кормить? И найдите мне крысу. Ещё вопросы есть?

Губский:

– У нас дело в Бабушкинском суде горит.

– Что случилось?

– Прокуратура не хочет переквалифицировать статью обвинения. Мы со следяком договорились, но новый прокурор отменил его решение.

– Это как так? Когда это прокуроры влезали в дело на стадии расследования?

Солнцев:

– Формально имеет право.

– Я не про «формально», я про прецеденты. Это что за новая птица?

Губский:

– Некий Филимонов. Из питерских. Говорят, руку мохнатую имеет на самом верху.

– И что? Попробуйте напрямую с ним этот вопрос решить.

Губский:

– В том-то и дело. Мы навели справки. Он не берёт.

– В каком смысле не берёт? Борец с коррупцией?

– Вроде того.

– И что? Бедный? Комнату в коммуналке снимает? На работу на велосипеде ездит?

Солнцев только усмехнулся на это.

Губский:

– Нет. Пока известно только одно. Он как в Москву переехал, сразу дом дорогой купил.

– Значит, засылайте гонца.

– Леонид Вячеславович, опасно засылать. Все говорят, что он не берёт. Вляпаемся.

– Серёжа, спасибо тебе. Развеселил меня перед дальней дорогой. Значит, говоришь, честный прокурор. Честный, но богатый.

– Выходит так.

– Запомни Серёжа одну простую истину, пока я жив: честный чиновник и богатый чиновник – это всегда два совершенно разных человека. Другого не дано. Причём первый – занесён в «Красную книгу», как вымирающий вид. Засылай гонца. Скорее всего его наши долбанные истцы на это дело подмазали. Значит надо дать больше. У вас всё?

Солнцев:

– Леонид Вячеславович, ещё раз. Может, охрану к вам усиленную приставить?

– К себе приставь, если ты debil. Что ты ко мне пристал со своей охраной? Есть наводка?

– Нет. Но, что-то волнуюсь я.

– Волнуется он. Медведя пристрелить мне и Вовика достаточно.

Он поманил пальцем личного телохранителя, стоящего немного в стороне:

– Вова, ты из своей «пукалки» медведя завалить сможешь?

– Запросто, Леонид Вячеславович.

– Во! У человека нет сомнений. И мне это нравится. Я хо-

чу, чтобы у всех тоже не было никаких сомнений, кто главный на бирже. Это бизнес и ничего больше. Безжалостный, кровавый и беспощадный. Но он такой по сути. Не я его придумал. И спрашивать вас за вашу работу я буду не по Трудовому Кодексу. Зарубите это себе на носу! И всем внушите. Особенно этим зажавшимся инсайдерам. Как? Я не хочу знать «как»! У меня всё.

И он в сопровождении Сурганова поспешил в самолёт.

Молодёжь в это время весело растекалась по блестящему миллионами баксов салону авиалайнера. Стюард и стюардесса без суеты помогали рассаживаться, наглядно демонстрируя достоинства каждого места.

Грегори, поднявшись на борт, огляделся и громко щёлкнул пальцем. После этого он что-то негромко сказал своей невесте.

Фима, входивший после американца вместе с Марием, спросил друга:

– Я не расслышал, что он там сказал?

– Это по-английски.

– Я понял, что по-английски.

– Он сказал, дословно: «Я не знал, что твой отец настолько богат».

– А! – съязвил Ефим. – Познакомившись со студенткой Йельского университета, одного из самых престижных учебных заведений мира, он думал, что её родители зарабатывают, собирая в Сибири развесистую клюкву на болоте.

– Или подметая худой метлой Красную площадь, – подхватил шутку Саша.

– Снег в Магадане!

Настя:

– Фимка! Я тебя брошу, если ты и дальше будешь стебаться по каждому поводу.

– Ты? Меня? Где ты ещё найдёшь такого умного, такого красивого и такого перспективного?

Соня:

– Фима, у тебя мания.

– Согласен. У меня мания. Я очень «мани-мани» люблю.

Грегори:

– What did he say about us?

Марго:

– Грэг! Говори по-русски. Мы с тобой договорились, что в Москве ты будешь говорить на русском. Теперь слушай меня. Здесь плохого про тебя никто ничего не скажет. Фимка наш – с детства приколист. Шутить любит. Юмор! Понимаешь? Шутка.

– О, ес! Шутка! – продемонстрировал всем свою белозубую улыбку американец.

Алиса Амалии:

– Классненький самолётик. Я хочу всегда на таком летать.

– У тебя есть шанс стать новой мамой Марго. Тогда сможешь хоть каждый день на нём летать. В Милан за покупками.

– Что с её мамой случилось?

– Ну ты и перлишь! У Марго две мамы. Ты не в курсе?

– Кто вторая?

– Алиса! – Мала пощелкала пальцами перед лицом подклинившей в своих мыслях подруги. – Ку-ку! Папа у неё женился на другой.

– Так это же не мать?

– Ну, мачеха. Какая разница? Я не об этом. Он женился во второй раз. Причём на молоденькой. Чуешь?

– Мала! Говори нормальным языком!

– Подруга, куда ещё нормальней? Папа Марго почти двадцать лет был женат на её матери, а затем женился на молоденькой. Какой вывод? Не переспрашивай! Я сама скажу. Папу распечатали. Он теперь не девственный муж. Другими словами, он теперь муж, который познал удовольствие от новой женитьбы. Познал совершенно простое решение всех сложностей семейной жизни. Если что-то с ней не так – просто поменяй жену. Причём – на любую. Выбор за тобой. А это значит что? А это значит, что он теперь завидный потенциальный жених. У него всего лишь вторая жена. Вторая! Кстати, блондинка.

– Блондинка? Она глупая что ли?

– Я тебе скажу одну простую вещь. Только ты не обижайся! Если ты дура, то перекрашиваться в другие цвета тебе бесполезно.

– Ты это про меня?

– Нет! – не выдержав, зарычала Мала. – Я про то, что, пожив с блондинкой, он вполне может положить взгляд на длинноногую красавицу-брюнетку.

– Красавицу? На меня что ли?

– Ну наконец-то!!! Сечёшь? Папа-то ещё не старый. Может хоть сто раз жениться. Заберёшь потом у него этот самолётик. И летай сколько душе угодно!

– Ты мне предлагаешь строить глазки Леониду Вячеславовичу?

– Многим на таких самолётах летать охота. Если ты тоже хочешь – подсуетись.

– Фу! Мала, не говори мне гадости. Я его с самого детства знаю.

– Да ладно: гадости, радости... Расслабься.

– Нет. Я выйду замуж только по любви.

– Я тоже. По любви к миллиардерам.

– А если у него не будет миллиарда?

– Исключено. Я миллиардеров люблю. Правда среди них мало молодых и красивых. Но ничего. Вот похудею и за дело.

– Ты ради миллиардера готова похудеть?

– Нет, ну ты точно чокнутая! Ты меня не знаешь, что ли? Чтобы я ради мужика худела? Естественно, только ради того, чтобы в свадебном платье не выглядеть, как корова.

Саша, качая восторженно головой, внимательно осмотрел интерьер самолёта:

– А! Винс! Вот это класс! Настоящая американская тех-

ника. Притащить бы сюда парочку кремлеботов, хающих в инете всё американское. Вот бы я над ними поприкалывался.

Винсент:

– Да не принимай ты всё так близко к сердцу. Двое смотрят из одного окна, а видят разное. Один – цветы и облака. Другой – лужи и грязь.

– Плохой пример! Здесь о другом. Эти уроды пользуются всем американским: компьютерами, тачками, айфонами. А пишут в сети про Америку всякие гадости: пиндосы, тупые, уроды. А сами ничего делать не умеют. За что не возьмутся, только тазики на колёсах получают.

Стюард на ухо напарнице:

– Можно подумать, что он американец. Мажоры долбаные! «У них получают тазики», – передразнил он Сашу. – Ну, а у тебя что получается? Придурак!

– Стас, если ты будешь комментировать слова клиентов и их друзей, то больше одного полета ты здесь не продержишься. Вылетишь. Поэтому давай работать тихо и спокойно. Без эксцессов.

В это время у стюарда зазвонил телефон. Он ответил:

– Да, мама. Через полчаса вылетаем. Спасибо. Я тебе перезвоню, когда дырка в работе будет.

Алина, так звали стюардессу, взяла его за руку и зашипела:

– Ты что творишь? Отключи свою игрушку. Или я докладную напишу.

– Мама поздравила с первым полётом.

– Работай, давай!

Марий, подсаживаясь к Агнессе:

– Нэсси, и что там виновница бала говорит? Куда летим?

– Мар, не называй меня так. Я тебе уже тысячу раз говорила. Я не чудовище лохушка-Нэсси. Я Агния. Папа говорит, что моё имя связано с «огнём», а мама с «агнецом» – с ягнёнком.

Александр, услышав разговор соседей, тут же подключился:

– Вот ещё придурки в Инете есть. У них весь мир произошёл от славян. Древнее христианское имя произошло от «огня»? Ржу, аж не могу!

Марий:

– Ну, ты! Специалист по всем вопросам! Тебя кто звал? Мне твоё мнение не интересно.

– Угу, умник! Объясни, как славянское слово «огонь» могло стать основой древнего имени, которое вошло в «Святцы»?

– Просто. Люди в древности часто заимствовали имена. Иордан в пятом веке в своей «Гетике» прямо об этом пишет. А во-вторых, индоевропейская основа может присутствовать в совершенно далёких друг от друга, на первый взгляд, языках.

– Какая основа?

– Индоевропейская. Славяне, римляне и греки – это всё

индоевропейцы. Германцы тоже. Поэтому в германских мифах мы также найдём такое имя – Хаген. Помнишь «Кольцо Нибелунгов»?

– Что-то припоминаю.

Агнесса:

– Прекратите этот дурацкий разговор. У меня голова начинает болеть.

Марий спокойно поцеловал подругу в щеку:

– Понял! И куда мы летим?

– Марго сама не знает. Сюрприз.

В это время раздался голос в динамиках:

– Доброе утро! Вас приветствует командир корабля Ка-туков Виктор Павлович. Если вы уже разместились и подобрали удобное для себя место в салоне, мы начинаем взлёт. Вы находитесь на борту комфортабельного лайнера. В полёте вам будут предложены напитки и еда из нашего бара и ресторана. С помощью пульта дистанционного управления вы можете создать себе необходимые параметры комфорта: подогрев, вентиляцию, положение кресла, светопропускаемость иллюминаторов, расположение жалюзи, освещение и т.д. С помощью пультов можно управлять поворотом и наклоном дисплеев, выбирать необходимые аудио-видео программы для просмотра, управлять акустической системой. При необходимости вы можете закачать на свой гаджет бортовую программу и осуществлять все вышеперечисленные функции с него.

Фима не выдержал и громко прокричал:

– И самолётом с гаджета управлять можно?

Все засмеялись. Но командир тоже услышал реплику:

– Нет, самолётом нельзя. Для этого у вас есть я и второй пилот Маздолевский Дмитрий Львович. Мы постараемся, чтобы во время путешествия вы не вспоминали о функции управления самолётом. В полёте вы сможете воспользоваться интернетом и телефоном. На время взлёта я эту функцию заблокирую. Во время нашего путешествия можно будет устроить прямо на борту чемпионат по минигольфу.

Виолетта тронула проходившую мимо стюардессу:

– И где здесь минигольф?

Алина указала на круги на полу:

– Вот эти крышечки отвинчиваются и получаются лунки.

Правила такие же, как у большого гольфа. Единственное, что у нас мяч покрупней. Это чтобы не лазить под креслами за маленьким.

– Хм. Понятно.

Фима в это время спародировал командира лайнера:

– На борту самолета есть также бассейн, сауна и казино.

А теперь мы со всей этой хернёй попробуем взлететь.

Винсент:

– Борода!

– Сам знаю! Но ведь к месту. Кстати, – обратился он к Марию, – ты же у нас самый умный?

– Давай без твоих подводок. Уже тошнит.

– Хорошо. Этот самолет какой модели?

Александр, перебивая:

– Это американский самолёт «Гольфстрим».

– Я не тебя спрашиваю. Я самого умного спрашиваю.

Агнесса:

– Опять эти дурацкие разговоры. Мы отдыхать летим?

Или на выездную передачу «Умницы и умники»?

– Пусть скажет, и я отстану. И не буду докучать «безумно красивым» девушкам своими дурацкими вопросами к их «ужасно умным» парням.

– Посмотри в своём «Айпаде».

– Ну ты ляпнула! Чем слушаешь? Командир сказал, что отключил сеть на время взлёта.

Марий:

– Что началось-то? Это самолет «Гольфстрим G650». По моему, последней модификации. Семнадцать пассажирских мест. Дальность полёта – тринадцать тысяч км. Кстати, самый быстрый самолёт в своём классе. Почти 1000 км в час разгоняется.

Словно пытаясь доказать правдивость слов Мария, самолёт пошёл на разгон по взлётно-посадочной полосе.

Вельтман сидел у иллюминатора рядом с дочерью.

– Как там мама? Давно виделись?

– Она в марте приезжала.

– Редко что-то встречаетесь.

– Я же зимой несколько раз приезжала к ней в Майами.

Ты забыл?

– Два раза.

– Ну, два. Это мало? Я не очень люблю летать, как ты знаешь. А ей что мешает ко мне приезжать? А тебе?

– У меня работа, семья.

– А я не семья?

– Семья, – он поцеловал дочь в щёку. – Молодая, умная, красивая семья.

Марго демонстративно надула губки. Отец продолжил расспросы:

– Как она там? Не болеет?

– Пап! Возьми телефон и позвони.

– Мне что, с тобой не разговаривать?

– Ладно. Не обижайся. Нормально всё с ней.

– Замуж не вышла?

– Зачем? Ей и так хорошо. Она каждый день мне с утра звонит. Проснётся, позавтракает, выйдет к бассейну с бокалом вина и названивает.

– Она злоупотребляет?

– Да что ей будет? – дочка закатила глаза и покачала головой. – Я если под солнцем оголюсь – у меня вся кожа в ожогах и в каких-то пигментных пятнах. А ей хоть бы что. Уже чёрная, как мулатка – и никаких проблем. Может ей массаж так помогает?

– Массаж?

– Ну, да! Она массажистов, как перчатки меняет. То чёр-

ненькие, то беленькие. Но в основном – кубинцы.

– Какие кубинцы?

– Папуль? Ты не понимаешь о чём я? Красивые такие кубинцы, загорелые. Мачо!

– Ах, мачо! – засмеялся Вельтман. – А она, значит, их мочалка.

– Пап! – обиделась дочка. – Ну ты скажешь тоже. Она женой твоей была. И моя мать, если что.

– Да просто вспомнилось, детское:

*«Я Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир».*

Командир корабля, словно услышав последнее слово, тут же сделал объявление:

– Самолёт набрал высоту. Связь уже доступна. Через 4 с небольшим часа мы совершим посадку в аэропорту Барнео.

Алиса:

– Барнео? Где это?

Винсент:

– Что-то знакомое. Это где-то в жарких странах.

Виолетта:

– В жарких? – она скусила губы. – Ну как так? Я купальник не взяла.

Ефим притомлённым голосом:

– Зачем нам купальники? Там в это время в купальниках

жарко.

Настя:

– Фимка! Я всё слышу!

– А я чего? Никто же купальники не брал? Поэтому будем все как дети Солнца.

– Ох и нудный ты, Фимочка, – попробовал подкусить товарища Саша. – Нудный – от слова «нудист».

– Да ладно... Пуритане, прям, выискались. Мы с Настей прошлым летом отдыхали в самом крупном нудистском центре Франции – в Кап-Даге.

Настя:

– Фима!

– Нормально. Через два дня мы, уже как все, фыркали на тех, кто входил в бар, на пляж или в сауну в плавках.

Саша:

– Человек ко всему быстро привыкает. Ко всем условностям, будь то секта, концлагерь или свингерская община.

Есения:

– Мальчики, вы можете о чём-нибудь приятном говорить?

Фима:

– Как? Мы об отсутствии у девчонок купальников говорим. Что может быть приятней?

Марий:

– Борнео – это остров Калимантан. В это время года там просто центр адской жаровни. Да и лететь до него часов десять, даже на этом самолёте.

Алиса:

– Десять часов? Жесть!

Фима:

– Предлагаю уже сейчас приступить к подготовке нудистской вечеринки по поводу дня рождения нашей любимой Марго!

Настя:

– Уже раздеваться?

– С ума сошла? Праздновать Днюху!

Амалия:

– Дурак ты, Фимка! Полный дурак! Настя хочет всем свою новую грудь продемонстрировать. Давно сделала?

– Сама выросла.

– Это у меня сама выросла, – Мала немного непристойно похлопала себя по груди, – а у тебя ещё в прошлом году даже футболка не топорщилась.

Фима не удержался и заступился за подругу:

– Лучше пусть ничего не топорщится, чем выпирает во все стороны по десять складок с каждой стороны, – намекнул он на «толстые обстоятельства» фигуры девушки, и тут же, кривляясь, скаламбурил: – Мала, а ты совсем не мала!

Амалия привстала и хотела запустить в него мячиком для гольфа, но её руку ловко перехватил проходивший мимо телохранитель Вельтмана:

– Спокойно, девушки! Спокойно.

Саша прошептал на ушко подруге томным голосом:

– Еся! Ты меня так возбуждаешь. Глаза горят! Рот приоткрыт! Так бы и занялся с тобой... Может посмотрим, как устроен у этого аэроплана туалет?

Он томно поцеловал девушку и добавил:

– Ты так сексуально всегда щуришь глазки.

Настя Фиме:

– Бесит меня эта корова! Отрастила вымя и всю жизнь мне им в глаза тыкает.

– Наплюй! Она звереет, потому что у тебя есть парень. А у неё нет.

Грэг, сидевший в одиночном кресле, через проход от Маргариты, наклонил голову к возлюбленной и прошептал:

– Маргарэт, excuse me, в двух словах ещё раз: who is who?

Девушка улыбнулась, кивнув головой:

– Напротив меня – Есения и Александр. Это мои одноклассники. Они тоже учатся в Америке. Только в Лос-Анджелесе, в Калифорнийском университете. Они со школы дружат, и Сеня ждёт не дожждётся от Сашки предложения.

– Кто их родители?

– У Сени отец банкир, а у Саши что-то связанное с добычей полезных ископаемых.

– Нефти?

– Нет. Какие-то редкоземельные металлы.

– Здоровый парень! Баскетболист?

– Он плаваньем занимался. Мог стать хорошим спортсменом. Может даже, чемпионом. Но его такая перспектива не

вдохновляет. Так. Напротив тебя – Виолетта. Тебе её не надо представлять.

– Вы с ней вместе в Америку приехали?

– Мы уже в университете познакомились. Она гражданка Украины.

– Её папа разрешает дружить с русской?

– Почему нет?

– Но ваши страны воюют.

– Мы же не «страны». К тому же, она на Украине только родилась. А школу заканчивала в Англии. Папа её строитель. А мама – певица. Достаточно известная.

– Он строит дома?

– Не сам, конечно. Там есть, кому строить.

– Ближе к кабине лётчиков кто сидит?

– Ближе? – Марго привсталала, чтобы посмотреть, кто сидит в глубоких кожаных креслах впереди них. – Справа от прохода – Фима и Настя. А слева – Мар и Агни. Ты уже понял, что это пары. Фима, кудрявый парень, жил рядом со мной. Сосед, по-русски. А Настя и Агни – мои одноклассницы. Настю с Фимкой я познакомил. На свою голову. Из-за него она со мной в Америку не поехала. В выпускном классе Настёна была моей самой близкой подругой. Жаль, что мы сейчас так далеко друг от друга. Интернет живого общения не заменяет. Мар тоже со мной в школе учился. Агнесс, такая ярко накрашенная брюнетка, влюбилась в него ещё в десятом классе и вцепилась в Мария мёртвой хваткой.

– Почему ты говоришь «вцепилась»?

– Он не отвечает на её ухаживания, – улыбнулась Маргарита. – Ни в какую! Они даже до сих пор не переспали. Представляешь? Что она только не придумывала, какие ситуации только не подстраивала, чтобы затащить парня в постель. Всё бесполезно.

– Может, он гей?

– Не думаю. Даже не могу представить. Мар – голубой. Нет! Он, кстати, очень умный. И в МГУ поступил без конкурса. Что-то там изобрёл.

– О!

– И Агния после школы потащила за ним туда. Ага! Он умный – она целеустремлённая. Чем не идеальная пара? Я думаю, что она своего добьётся. Не сегодня, так завтра.

– Они все в МГУ учатся?

– Фимка с Настёнкой в МГИМО. Это всё московские университеты.

– У них бедные родители, раз они в Москве учатся?

Девушка рассмеялась:

– Не такие уж и бедные. Настин отец – известный адвокат.

А у остальных родители – чиновники. Очень высокого ранга. Очень. Отец Мара – депутат Думы. У Фимы – заместитель министра. Мама Агнии в правительстве Москвы работает. А папы нет. Кстати, из-за событий последних лет, российским чиновникам не рекомендуется своих детей посылать учиться за границу. Именно поэтому Фима поступил в МГИМО. И

Настя с ним за компанию.

– Понял. Сзади такая крупная девушка. Громкоголосая.

– Это Мала. Когда-то наши родители очень дружили, поэтому в детстве я с ней очень тесно общалась. На отдых нас вместе возили. Ну, и так просто. Её отец не знаю, чем сейчас занимается. Но он в списке «Форбс», как и мой папка. Поэтому, если захочешь – в интернете посмотришь.

– Она всегда была такой упитательной?

Марго улыбнулась:

– Упитанной, а не «упитательной». Это порода. У них вся семья – сплошные Гаргантюа и Пантагрюэли.

– Парень, такой симпатичный.

– В марлевой рубашке и в белых парусиновых штанах?

– Да.

– Это Винсент. Мой бывший.

– Ты своего бывшего позвала? – возмутился американец.

– И что такого? Это было давно. В одиннадцатом классе.

– Он в школе с тобой учился?

– Нет. Он из другой гимназии. Я с ним на Новогодней вечеринке познакомилась. Агнесс знает его по МГУ. Рассказывает, что Винс сейчас пустился во все тяжкие. Пьёт, подружек меняет, как перчатки. Учёбу забросил совсем.

– Родители у него есть?

– Они в прошлом году развелись. Отец женился на совсем молоденькой красотке. На ровеснице Винса. Так. Про кого я тебе не рассказала?

– Худенькая такая девушка. Невысокая.

– Это Соня. Моя подруга по гимназии. Мы с ней за одной партой всегда сидели. У нас её за глаза Соней-тихоней зовут. Перед последним учебным годом она, я и Саша с Сеней в Лос-Анджелес летали. Сонин отец там работает уже лет пятнадцать. Он нас привечал у себя дома и знакомил с городом, с университетами. Я сначала хотела тоже в Калифорнийский поступать. Сашка с Есенией так и сделали, а мы с Соней нет. Она в России осталась. Кто тебя ещё интересует?

– Брюнетка, beautiful girl, с длинными ногами – это кто?

– Алиса, тоже моя одноклассница. Она, кстати, на конкурсе «Мисс Москва» стала финалисткой. Папа у неё в Московской области большая шишка.

– Шишка?

– Head of the government senate. Кто ещё? Мужчина такой серьёзный в костюме – это папин телохранитель – Володя. Он с ним уже лет 7 или восемь везде ездит. Мне ещё двенадцати не было, когда он появился. Дядя Володя – практически член нашей семьи. Так. Кажется, обо всех рассказала.

В это время Станислав и Алина выкатили тележки с алкогольем и закусками.

Марий запустил на телевизоре музыкальную программу, которая началась с неожиданной композиции «Хоп ша шала-ла-ла-ла-ли-ли» в каком-то детском исполнении.

Фима:

– Наша Мара в куколки ещё не наигралась.

– Я что ли здесь программы сбивал? В анонсе написано: «Билли Эйлиш и другие».

Винсент:

– Нормальная музыка. Давайте лучше выпьем! Мне шампусика не надо. Вискаря плесни, – пояснил он стюарду свои пристрастия.

Захлопали пробки шампанского. Все собрались в центре салона, где два раскладных стола были собраны в один большой, перегородивший проход.

Вельтман:

– Это ещё не праздник. Это всего лишь прелюдия. Кульминация впереди. Я предлагаю выпить за царицу бала. За её двадцать лет красоты, счастья и успеха!

Все зазвенели бокалами, заорали и полезли обнимать и целовать именинницу.

В это время в мониторе телевизора закончилась детская песенка и запела Билли Эйлиш:

– Thought I found a way

Thought I found a way, yeah

But you never go away

So I guess I gotta stay now.

Неожиданно монитор погас. Но песня продолжала зву-

чать. Причём голос был слышен уже не только в динамиках, но и со стороны кабины лётчиков. Все стали поворачиваться на источник звука. Девчонки в разное время завизжали:

– Билли Эйлиш!!!

В проходе между креслами с микрофоном в руке пела один из своих хитов юная американка с сине-зелёными волосами на голове. Яркий вызывающий макияж придавал её облику неповторимый хэллоуиново-готский шарм.

– Ни фиги себе! – только и смог из себя выдавить вроде бы ничему не удивляющийся Фима.

– Какая маленькая, – констатировала Соня.

– Даже меньше тебя, – согласился Фима.

Четыре часа пролетели незаметно. Незадолго до приземления стюарды выдали всем по большой спортивной сумке. В каждой из них лежал подбитый лебяжьим пухом комбинезон и удобные тёплые сапожки без каблука. А также: костюм для полярного дайвинга, коньки, лыжные ботинки, солнцезащитные очки, кожаные перчатки, тёплая обувь и многое другое. Сумки были именными. Очевидно, что тот, кто их комплектовал, хорошо знал размеры каждого из гостей.

– Вот тебе, Фимочка, и нудистский пляж, – подковырнул товарища Саша, вытаскивая из сумки тёплый комбинезон.

– Я бы даже сказал: антинудистский, – согласился Ефим. – Представляю себя в таком костюмчике в Кап-Даге. Полный конфуз перед местной публикой. Стыдоба!

– Угу. Облом.

Командир корабля сообщил:

– Через пятнадцать минут мы совершим посадку на полярном аэродроме, расположенном в шестидесяти километрах от Северного полюса. Называется он Барнео. Не путать с Борнео, островом Малайского архипелага.

Все бросились к иллюминаторам:

– Белым бело!

– Не видать ничего!

– Куда ты завёз нас? Не видно не зги!

– Это облако такое беспросветное?

Глава Вторая

Полный улёт

22 июня 2018 года
Высокоширотная
арктическая база Барнео
В 60 км от Северного полюса

Самолётик резко нырнул вниз. И вдруг все увидели буквально в нескольких метрах под его брюхом ледовый аэродром, обозначенный разноцветными электрическими огнями и дымящимися железными бочками, которые по традиции полярных аэропортов были разрезаны пополам. Чуть в стороне от полосы гигантскими красными буквами на снегу было написано: «С днём рождения, королева Марго!»

За надписью виднелась внушительных размеров ледяная фигура именинницы, окруженная кадками с экзотическими цветами.

Шасси авиалайнера коснулись поверхности ледяной ВПП. Все заорали, завизжали, захлопали. Было безумно весело. Только немного перебравший Винсент мирно похрапывал на диване в хвосте самолёта. Его решили не будить.

У трапа гостей встречали официанты, наряженные в костюмы эскимосок и белых медведей. В руках они держали подносы с шампанским и лёгкими закусками. В конце коридора из официантов стоял парящий на полярном воздухе сборный каркасный бассейн, украшенный по периметру цветами. В нём группа атлетических стриптизеров в плавках бикини демонстрировала свои надувные мускулы, бицепсы и трицепсы. Далее возвышался огромный белый шёлковый шатер, в котором просматривались столы, застеленные белоснежными скатертями. На столах пока ничего не было. Левее шатра была сооружена сцена, наподобие тех, что устанавливают по праздникам на Красной площади. По другую сторону от шатра можно было рассмотреть бревенчатую избу, над входом в которую висели вырезанные из дерева большие буквы, слагающие слово «баня». Чуть поодаль стояли ряды снегоходов, бульдозер, два вертолётa и грузовой Ил-76.

Вдруг перед бассейном с атлетами неожиданно выросла Каролина, референт Вельтмана. На ней был одет ярко-красный болоньевый комбинезон, на который скатывались белокурые кудри её волос. Она проверещала накачено-пухлыми яркоокрашенными губами:

– Пока все трезвые и сытые – мы летим на Северный полюс. Запечатлеем этот день в нулевой точке нашей Голубой планеты.

– Не такой уж и «голубой», – закономерно встрял в объявление Ефим. – Не стоит так всех обобщать.

В конце своего короткого спича он икнул.

Вертолётами компания была доставлена на Северный полюс. Здесь все сфотографировались на фоне российского флага и столба с указателями расстояний от Северного полюса до Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Нью-Йорка и других городов. Потом желающие, а ими оказались все молодые друзья Марго, кроме Грегори, Сони и Есении, совершили погружение под лёд Северного полюса.

Фима, снимая водолазный костюм, не унимался ни на минуту:

– Мар, ты хочешь со мной дружить?

– Подлизываешься. Мечтаешь погонять на моём «Харлее»?

– Ну ты и кретин! Мне не пятнадцать лет.

Агнесса:

– Заткнись, а? Ты сегодня уже достал Мария! – она прижалась к голому торсу раздевшегося парня. – Можно подумать, что он твой бойфренд, а не мой.

– Ой! Мне нужна голова Мара, а не его гениталии.

– Фу, Фима! Прекрати изгаляться!

– Я серьёзно! Кто кроме него может мне помочь оформить заявку в Нобелевскую комиссию?

Амалия:

– Новый анекдот! Фимка – изобретатель! Уже смешно.

Настя:

– Что-то в универе ты всегда у меня списываешь. А теперь

зовёшь Мара.

– Без обид. Здесь только Марий может стать соавтором моего великого изобретения.

Виола:

– Даже интересно. О каком изобретении ты говоришь?

– Я изобрёл перпетуум-мобиле!

Все засмеялись, ничего другого от Фимы и не ожидая.

– Чего вы ржёте? Потом все будете зарабатывать на мемуарах, рассказывая о неразлучной дружбе со мной.

– Ой, ой, ой!

– Сейчас точно насмешил.

– Мания, у Фимы. Точно мания.

– У меня не мания, а великий талант!

– Балабол!

– Хорошо! Вот смотрите! Мы находимся на Северном полюсе. Так? Ну-ка, скажите, что будет показывать здесь стрелка компаса?

Есения:

– Север?

– Блондинки, как всегда в тренде! Стрелка компаса будет показывать и север, и юг, и запад с востоком. Я предлагаю прицепить к хаотично вращающейся магнитной стрелке «динамо», и мы получим неисчерпаемый источник энергии. То есть, искомый столетиями перпетуум-мобиле. Чтобы изложить эту великую идею на бумаге мне и нужна голова Мария. Ты согласен? Делим всё пополам: деньги и славу. Я не

жадный.

Агнесса:

– Фимка! Ты сегодня достал всех своими умными разговорами. Мне достаточно того, что Мар, с его головой, как ты говоришь, всегда рядом со мной. Я хочу отдохнуть.

– Отдыхай, кто тебе не даёт. Ну что, Мар? Ты до такого не додумался?

– Ерунда. Стрелка компаса здесь будет показывать в сторону Канады.

– С чего это?

– Она указывает не на географический Северный полюс, а на Магнитный полюс Земли. А он сейчас находится в Канаде.

– Чушь какая-то.

– Не чушь.

– Тогда стрелку с динамо надо установить на Магнитный полюс.

– Тоже не получится. Магнитный полюс не является статическим. В настоящее время он со скоростью 60 км в год движется по направлению к полуострову Таймыр.

Агнесса:

– Мальчики! Прекратите уже капать на наши нервы и мозги.

Фима:

– Ладно, потом поговорим.

Саша:

– Я думаю, что Северный полюс – это не место для умных разговоров.

Виолетта:

– Вот, есть ещё кавалеры!

Александр патетически развёл руками и неожиданно пафосно громко воскликнул:

– Это место для лирики и любви!

Девчонки завизжали и захлопали в ладоши!

Александр:

– Сегодня праздник у Марго! Но я не могу промолчать!

Меня переполняют чувства.

Виолетта:

– Интересно. Что это с ним?

Фима:

– Амур, лямур, тужур, бонджур, абажур.

– Кескесе, мусье?

– Ком тужур, мадам. Он хочет сделать ей предложение.

– Сейчас?

– Пуркуа па.

Саша:

– Здесь в самой северной точке нашей планеты я хочу сделать предложение моей любимой и единственной женщине на свете, – он встал на одно колено перед девушкой. – Есения, будь моей женой!

Виола:

– Как романтично!

Агния:

– Шикардон!

Алиса:

– Хм! Я тоже так хочу-у-у.

Тихая Соня:

– А кольцо?

Фима оторвал колечко от пивной банки:

– Вот! Пожалуйста.

Саша, стоя на одном колене и держа Агнию за руку, прошипел через плечо:

– Уберите этого клоуна от греха подальше!

Девчонки, словно стая чаек на свежую рыбу, набросились на Ефима и оттеснили его на периферию.

– Я всегда с собой кольцо ношу.

Александр раскрыл ладонь второй руки, в которой лежал перстень с большим белым камнем. Он попытался надеть его на пальчик Есении.

Но девушка отдернула руку:

– Попытка не засчитана.

– Почему?

– Во-первых, я не хочу, чтобы потом все говорили, что ты сделал мне предложение на дне рождения Марго. А во-вторых, я хочу, чтобы при следующей твоей попытке не присутствовал Фимка.

Саша вздохнул, захлопнул ладонь с перстнем и проворчал:

– Фимка – нобелевский лауреат по цирку и балагану.

После возвращения в Барнео была большая спортивная программа. Все весело носились на снегоходах, катались на коньках по ледяной поляне, стреляли по тарелочкам из ружья, летали на парашюте, прикрепленном за снегоход, прыгали с парашютом из вертолѐта. Особенно всем понравились ледяные аттракционы. Горки были изготовлены с невообразимым для дикого севера размахом. Некоторые совсем не отличались от аттракционов аквапарков. Только вместо воды надувные круги скользили по льду. Аттракционный городок украшали ледяные фигуры животных и античных героев, а также снеговик и большая ёлка, увешанная новогодними игрушками. Одним словом – полнейшая эклектика удовольствий.

Лѐтчички сидели в небольшой палатке, предназначенной для персонала, за заставленным гастрономическими изысками столом и любовались панорамой праздничного буйства молодѐжи сквозь откиннутые полы всех четырёх сторон.

Катуков, обращаясь к командиру грузового Ил-76:

– Я так и не понял – почему на этот аэродром не высаживаются после мая? Лѐд что ли становится тонким?

– Нет, лѐд нормальный. Сегодня мерили – под нами он в два с половиной метра толщиной, – пояснил штурман грузового авиагиганта.

– Тогда почему? – переспросил Маздолевский.

– Летом тут почти всегда круглосуточные туманы. Нам

просто повезло с погодой. Бывают часто и шквальные ветры.

– Что? Даже не сесть?

– Дело не в этом. Сильный ветер приводит к подвижкам ледяных полей. Лёд начинает трескаться и крошиться. Образуется промоины. Кстати, разведка доложила, что в 4 км от нас сегодня ночью прошла огромная трещина. Если такая пройдёт через ВПП – всё, копец.

– И что тогда?

– Не взлететь. Только вызывать ледокол для эвакуации.

– Понятно. Во сколько летим? Нам сказали в шесть.

– Ну, а мы сразу после вас.

Второй пилот грузового самолёта:

– Паша! Ты слышал, что Мишку Кравцова из отряда выперли?

– Во! Как раз у вас хотел спросить. За что его?

– На чартере в Мексику летал. А там наша компания туристская не оплатила местным фирмам проживание в отеле. Застряли на три дня. Жара. А Мишка, ты знаешь. Он пилот от бога, но текилу обожает, как небо.

– Там что – медосмотр?

– Нет! Он спьяну приветствия перепутал.

– ???

– Вместо: «Командир корабля и экипаж рады приветствовать вас на борту», он ляпнул: «Командир корабля и экипаж прощается с вами, наверное, навсегда». И это на взлёте! Совершенно бухим голосом.

– Вот, дурила! Это на него похоже.

В это время в огромных динамиках, в которых до этого звучали песни современных исполнителей, зазвучала браваурная музыка, и раздался голос вездесущей Каролины:

– Приглашаем всех на праздничный обед.

Огромный т-образный стол в шатре был накрыт изысканными вкусняшками, включающими в том числе и горячие блюда.

За обедом все упражнялись в красноречии. В конце банкета выступил отец:

– Моей любимой дочурке исполнилось ровно двадцать лет. Она теперь живёт далеко от меня – в Америке. Марго, я по тебе очень скучаю. Не сомневаюсь, что и ты по мне скучаешь. Чтобы хоть как-то скрасить разлуку, я хочу подарить тебе этот скромный подарок.

Неожиданно, неизвестно откуда появился красный Ferrari GTС4Lusso. На огромной скорости он объехал палатку и с визжащими в дрифте шинами резко встал перед входом. Водитель, одетый в ярко-красный кожаный комбинезон с надписью «Santander» на груди, ловко выскочил из автомобиля, оставив дверь открытой.

Вельтман:

– Сегодня машина будет отправлена через Мурманск в Москву. А после твоего возвращения в Америку, её перевезут за океан.

Пацаны первыми побежали посмотреть на подарок. За ни-

ми потянулись девушки.

Отец:

– Доча, можете прокатиться. Но без всяких выкрутасов. Все уже достаточно много выпили, поэтому разрешаю только медленный кружок вокруг палатки.

– Папуля, ты гений! – Маргарита чмокнула отца в щёчку и медленно продефилировала к подарку.

Она поставила ногу на порожек Феррари и приняла неестественно грациозную позу:

– Оближите меня через объективы.

Все стали щелкать Марго с подарком. В том числе специально привезённый для этого фотограф, на груди которого болтался целый набор разно-фокусных объективов.

Набившись в салон и торча из окон, молодёжь медленно сделала торжественный объезд палатки, внутри которой стоял счастливый отец именинницы.

– А теперь танцы! – взвизгнула Каролина слегка охрипшим голосом.

На сцену выскочили два парня и полилась музыка.

– Ого! Круто! – не удержался от восторга Марий. – Это же Twenty One Pilots!

Все вновь натянули коньки и побежали танцевать под музыку на залитый перед сценой каток.

Официантки в белоснежных комбинезонах ловко вертелись на коньках среди танцующей молодежи, предлагая соки и коктейли.

Следом за американской группой на сцену выскочил рыжий парень.

– Не хря себе! – на этот раз засвистел в восторге тяжело дышащей от катания грудью Александр. – Мой любимый исполнитель! Ширан!

Далее «Пилоты», «Ширан» и «Билли Эйлиш», меняя друг друга, пели почти час.

После этого на сцену выскочила Каролина:

– Всем спасибо! Ребята! Концерт окончен. Среди исполнителей есть несовершеннолетняя Эйлиш! Ей уже пора домой.

И добавила игривым голосом:

– А то родители будут ругаться!

Все от расстройства загудели, как это бывает в конце любых удавшихся мероприятий.

Каролина продолжила:

– Нам тоже пора лететь в Москву. На часах пол шестого вечера!

Есения, обращаясь к Марго:

– Ну давайте ещё часик здесь побудем! Скажи отцу!

– И что мы будем делать?

– Да хоть в снежки поиграем! – Фима кинул снежком в Настю.

Та засмеялась и побежала с горстью снега за убегающим бойфрендом.

К Маргарите подошёл Грегори:

– Я думаю, что надо задержаться.

– Зачем?

– Ты хотела поговорить с отцом. Забывать?

– Нет не «забывать». Обязательно сейчас? В разгар праздника?

– Самый подходящий случай. Он в прекрасном расположении, как это..., духа. Смотри, как я чудесенько говорю по-русски.

– Когда ты хочешь, ты можешь всё, – Марго кивнула и пошла к отцу.

– Пап! А мы можем на часик задержаться здесь?

– Зачем?

– Ребята просят. Всем так понравилось!

– Нет! Нам надо вылетать. Мы не можем задерживать такую толпу людей.

– Так пусть они летят. А мы следом.

– Меня пугали, что в это время здесь бывают туманы или шквальный ветер.

– Ну, папуль! Ветра же нет. И туман, как ты знаешь, опасен только при посадке. Если что – мы сразу улетим!

– Нежелательно, чтобы именно наш самолёт взлетал отсюда последним.

– Что? Здесь никто не остаётся?

– Естественно, нет. Это просто льдина, которую приспособили на весну для посадок самолётов с туристами. С июня Барнео пустует. Опасно здесь летом.

– Ну, папуль! Всего час! И всё! Что за час случится? Ты любишь меня? – дочка повисла на шее отца.

– Хорошо! Хорошо! Час! И ни минуты больше.

Марго вернулась и озвучила:

– Мы задерживаемся на час!

Все захлопали в ладоши и заулюлюкали в восторге.

– Ты с ним поговорила?

– Грэг! Я его задержаться еле уговорила. Давай я к нему перед посадкой ещё подойду.

– Не откладывать решение problems на завтра никогда! – скривил губы жених.

– Я сказала потом! Значит потом! – отрезала Марго.

Рабочие моментально разобрали сцену и палатки. Бульдозер, снегоходы, Феррари, а также различная утварь моментально исчезли в утробе грузового самолёта. Вся обслуга и музыканты также погрузились в авиагигант. Даже англичанка Эйлиш решила возвращаться вместе с другими артистами, предложив желающим своё место в «Гольфстриме». Впрочем, все отказались. Даже Каролина, которой босс предложил остаться, пожелала улететь. Она сослалась на необходимость организации размещения артистов в Мурманске и их дальнейшей отправки на родину. Первыми улетели вертолёты. Командир Ил-76 грустно помахал из своей огромной кабины коллегам с «Гольфстрима» и направил взревевший двигателями самолёт по ледовой полосе к взлёту.

Сразу стало немного тоскливо и одиноко. Моторика праздника поутихла. Грузовой самолёт не увёз только скульптуру Марго, ледяные горки, раскладной бассейн и деревянную баню, стоящую чуть в стороне.

– Пора, – вновь напомнил об обещании Грэг.

Маргарита недовольно покачала головой и направилась к отцу.

– Ну что, дочка, летим?

– Летим, летим! – Марго, улыбаясь, повисла у отца на шее. – Папуль, ты же меня любишь?

– Что за вопрос, – отец прижал её к себе и поцеловал.

– Простой вопрос...

– Ну, говори, говори!

– Мне двадцать лет исполнилось.

– И...

– Такая круглая взрослая цифра. Я уже большая.

– Так...

– Северный полюс – это здорово. Всем понравилось. Запомнится на всю жизнь.

– Так-так...

– Ты не мог бы мне ещё и денег подарить?

– Тебе не хватает тех десяти тысяч, что я кладу на твою карточку каждый месяц?

– Мама тоже мне такую сумму даёт. Но дело не в этом. На жизнь мне хватает.

– Хорошо. А сколько тебе надо? И зачем?

– Зачем? Папуль, это секрет.

– Сколько?

– Всего-то двадцать миллионов.

– Рублей?

– Пап, ты совсем что ли?

– Ого! Не понял, зачем тебе так много?

– Тебе жалко для единственной самой-самой любимой-прелюбимой дочурки?

– Нет, но я должен знать.

– Чего ты боишься? Конечно, не на наркотики.

– Я понимаю, понимаю. Не надуй губки. Это тебя не красит. Затеяла разговор на серьёзные темы, изволь быть сдержанной.

– Я так и думала. Ты меня не любишь.

– Люблю. Поэтому и интересуюсь.

– Ну вот скажи, это же для тебя мелочь! Ты вон какие самолеты покупаешь. Чего тут интересоваться?

– Во-первых, не мелочь. А во-вторых, я не хочу попусту волноваться в неведении. Да и мать твоя не согласится.

– Вот уж вспомнил её некстати. Чего это она не согласится?

– Потому, что мы оба не будем спокойны за твою безопасность.

– И при чём здесь моя безопасность?

– При том, что двадцать миллионов долларов у одинокой русской студентки – это очень опасно.

– Во-первых, я не одинока. Меня есть кому защитить. Во-вторых, я живу в США, а не в России.

– Вот этого я и боюсь.

– Что я живу в США? Да у нас спокойно. У людей двери входные из стекла. Наслушался кремлёвской пропаганды.

– Никого я не наслушался. У меня своя голова. И заметь – не самая пустая в этом мире. Иначе не стала бы ты просить у меня такую сумму. А беспокоюсь я не потому, что ты живёшь в США, а потому, что ты живёшь слишком далеко от меня. Поэтому я не знаю, как ты живёшь, чем ты живёшь, кто составляет твоё окружение и куда ты собираешься тратить такую значительную сумму.

– Всё понятно, ты отказываешь.

– Так ты скажи для начала: зачем тебе эти деньги?

Девочка помолчала, обдумывая стоит ли ей говорить правду, или можно быстро что-нибудь придумать. Но очевидно никакой достойной причины нужды в деньгах не пришло в её симпатичную голову:

– Хорошо, я скажу. Мы с Грегори любим друг друга, – она помолчала, пытаясь увидеть по эмоциям отца, стоит ли ей продолжать дальше, – и, очевидно, в дальнейшем поженимся.

– Та-а-ак...

– Должны же мы заранее думать о фундаменте нашей дальнейшей совместной жизни?

– Понятно. Значит, это твой «защитник» подбросил эту

идею. Я так и думал.

– Нет! Это я сразу подумала, что ты мне откажешь! Значит не дашь?

– Нет! Сейчас не дам!

– Ну почему?

– Потому! Потому, что это не серьёзно, это опасно, ты его толком не знаешь. И ещё пять тысяч «потому». Озвучивать?

– Мне уже двадцать лет! Я взрослая! Я сама знаю, что мне делать, кого любить и с кем строить планы на будущее. Ты не имеешь права навязывать мне свои дурацкие взгляды на жизнь!

– Я не имею права потакать чьим-то авантюрам. Всегда! Но особенно, если речь идёт о безопасности моей любимой дочери!

– Вот почему вы все против него? Чем он вам не нравится?

– Кому всем?

– Тебе и маме!

– А! Так она тоже отказала?

– Она назвала его жиголо и альфонсом!

– Стоило бы прислушаться к словам твоей матери! Она в альфонсах разбирается лучше всех.

Маргарита залилась слезами:

– Ненавижу вас всех! Вы мне всю жизнь сломали!

– Чтобы дать деньги, я должен знать этого человека. А ты привела его два часа назад и уже требуешь двадцать миллио-

нов баксов. Назови мне имя отца, который в такой ситуации не отказал бы своему любимому ребёнку? Нет таких в мире. Потому что, кто любит – тот беспокоится!

– Ненавижу! Улечу и больше не звони мне никогда!

– Скажи для начала: кто он, где вы познакомились, кто его родители? Как его зовут? Полное имя у него есть?

– Ненавижу. Видеть никого не хочу.

– Ответь! И может тогда я всё же дам денег!

Девочка подумала, что слёзы помогли, сразу перестала плакать и посмотрела на отца доверчивыми припухшими глазами:

– Грегори Хопкинс. Ему двадцать пять лет. С родителями своими он меня обещал познакомить после этой поездки.

– Он студент?

– Нет.

– Где же он тебя подцепил?

– Почему сразу «подцепил»? Мы с ним долго переписывались до первой встречи.

– Сколько?

– Долго.

– Неделю?

– Почти месяц.

– Значит вы с ним по интернету познакомились?

– Ну, пап, сейчас все так знакомятся. Люди, чтоб ты знал, сейчас по интернету даже домами обмениваются на время. Даже не видя друг друга воочию.

– Знаю-знаю. Я смотрел «Отпуск по обмену». Неплохой фильм.

– Вот видишь! Сейчас это просто. Никто не знакомится уже давно ни в ресторанах, ни на работе.

– Где он работает?

– В настоящий момент нигде.

– Хм.

– Его не понимают. Он очень талантливый. Очень! Его идеи перевернут мир.

– И для этого не хватает каких-то двадцати миллионов!

– Вот видишь, ты какой! Тебе разве никто в жизни не помогал?

– Помогал. Но не незнакомый человек и не двадцатью миллионами долларов. В лучшем случае советом или трёшкой до зарплаты. У него хоть какое-то образование есть?

– Чтобы быть гением не обязательно где-то учиться. Эйнштейн тоже был троечником.

– Хорошо, родная. Сейчас я тебе всё равно ничего не дам. Это не вопрос пяти минут. Но я тебя понял. Буду думать.

– Сколько?

– Пока не пойму, что поступаю правильно.

В это время дверь в баню распахнулась и из её дверей как ошпаренный выскочил Фима. Он скинул полотенце и, сверкнув в воздухе белыми ягодицами, с разбегу плюхнулся в неглубокий бассейн.

– Кайф! – заорал он во всё горло, – Каждый год 22 июня

мы с друзьями ходим в баню на Северном полюсе! А-а-а!!!

Из открытых дверей бани его поддержали визгами и криками в унисон:

– А-а-а!!!

Глава Третья

Вылет

22 июня 2018 года
Полярная база Барнео

Первой очнулась Амалия. Она сидела в хвосте самолёта на одном из двух диванов, установленных вдоль бортов самолёта. Ей было очень плохо. Слюни и сопли лились изо всех щелей. Глаза слипались от слёз и гноя.

– Фу! Господи, как меня мутит.

Девушку обильно вырвало на ковровое покрытие.

Она с раздражением оттолкнула постоянно заваливающегося на неё Александра и, шатаясь, ничего не соображая при этом, добралась до туалетной двери. На унитазе в неестественной позе сидел Винсент. Его голова откинулась назад, глаза были закрыты, а рот наоборот – открыт. От неожиданности Амалия взвизгнула. Она отпрянула и развернулась лицом к салону, словно ища поддержку. Девушка провела рукой по лицу, смазывая пелену с глаз, и сделала усилие, чтобы навести резкость в скачущем вокруг неё пространстве. Лучше бы ей не видеть этого. Салон был завален телами, обмякшими в неестественных для живого человека позах. Амалия,

которую даже фантазёр Фима никогда бы не назвал плаксой, заныла:

– Мамочка... Что это?

Держась обеими руками за туалетный косяк, она стала медленно сползать на пол. Вдруг кто-то схватил её за локоть. Девушка снова взвизгнула.

– Бр-р-р! Что ты визжишь, как свинья на скотобойне. Башка раскалывается, – в туалете, подтягивая по ходу дела спущенные штаны, с унитаза пытался подняться Винсент. – Где это мы? А-а-а! – вспомнил он. – В самолёте. Точно. Фу! Вот я нажрался. Вискарь палёный.

– Не в вискаре дело.

– Не в вискаре? А в чём?

Девушка вновь с усилием поднялась на ноги:

– Иди! Посмотри сам.

– Чего смотреть?

Винсент неуверенно одной рукой натянул штаны на пояс и сделал шаг к двери.

– Пусти скорее! – девушка вытолкала парня из уборной и тут же наклонилась над унитазом. Её обильно рвало.

– Скотина! Мог бы и смыть за собой, – проворчала она, нажимая кнопку слива.

От вида грязного унитаза ей снова стало плохо.

Винсент пожал плечами и повернулся лицом к салону самолёта. То, что он увидел повергло его в шок и немного отрезвило.

– Ни фиги себе!

Он даже немного попятился назад.

– Мала! Открой!

Девушка успела запереться. Он стучался долго и упорно, пока дверь не распахнулась. Амалия склонилась над раковиной. Она пыталась умыться и охладить под струёй воды раскалывающуюся голову:

– Прекрати стучать! У меня в голове всё отдаётся.

– У меня тоже, – всё ещё пьяным голосом прошепелявил сухим языком Винс. – Чего все так упились?

– Никто кроме тебя и не упился.

– Ага. Вон все пьяные валяются. Нахрюкались в зюю. Хр-хр-хр! – он попытался изобразить свинью, но тут же схватился за голову. – Блин. Виски были палёными. Надо же... Правда, Мала?

– Я не пила виски. Никто их кроме тебя не пил.

– А чего тогда? Ты что пила?

– «Шампанское».

– Значит его тоже узбеки разливали.

– Нормальное «Шампанское»!

– Нормальное? Ничего себе нормальное. Все в отрубе.

– Не в напитках дело. Нас отравили чем-то другим.

– Чем?

– Откуда я знаю «чем»?

– Не знаешь? А кто знает?

– Ты меня уже достал, алкаш.

– Ой-ой-ой! Алкаш. А сама то?

Амалия вытолкнула парня из дверного проёма и вышла в коридорчик. Он располагался в самом хвосте самолёта перед туалетом и багажным отделением.

Девушка снова в нерешительности посмотрела на неподвижных пассажиров:

– Что же делать?

– Да ничего. Сейчас приземлимся, поныряем, и всё пройдёт, – Винс плохо справлялся с координацией в пространстве и упёрся туловищем в Амалию.

– Идиот, – толкнула она его движением плеча. – Где ты нырять собрался?

– В этом, как его? Чудо-остров, чудо-остров, – пропел он для чего-то, возможно, для активизации памяти. – Угу-угу, угу-угу, жить на нём легко и просто. Вспомнил – в Борнео.

– Не летим мы ни на какое Борнео.

– А куда мы летим? Сейчас посмотрим.

Качаясь, он вошёл в салон самолёта и упершись в фюзеляж, прильнул к ближайшему иллюминатору.

– Вот же! Борнео! – он с трудом повернул шею, затекшую от долгого сидения в одной позе и нарисовал рукой в воздухе сложную фигуру, несущую всего один смысл: вот мол, смотри!

Затем он снова развернулся к иллюминатору:

– Пальмы, море, солнце. Как красиво! А мы тут, как два идиота..., две ид..., как идиот и идиотка сидим в дурацком

самолёте. Надо идти нырять.

– Чего ты там увидел? – заинтересовалась девушка, шагнув следом за ним. – Придурок! Это заставка.

– Заставка?

– Да! На иллюминаторе.

– Не может быть! – он перебрался к другому иллюминатору. – Печалька. И здесь заставка. Всё белое.

Девушка тоже посмотрела в этот иллюминатор:

– Здесь облака. Мы летим в облаках, – Амалия в изнеможении плюхнулась на своё место на диване, схватилась за голову и потёрла её ладонями, стараясь сообразить, что ей делать в такой ситуации.

Она поняла одно – их всех отравили. Если это так, то могли пострадать и лётчики. Самолёт летел плавно. Был слышен мерный гул моторов. Это её немного успокаивало. Девушке было ужасно плохо, но надо было что-то делать. Нельзя сидеть просто так. В её мысли ворвался пьяный голос Винсента:

– Я ничего не понял. Так куда мы летим?

– Откуда я знаю?

– Чего откуда знаешь? А кто знает?

– Спроси.

– Кого? Все ухрюкались в полное скотство. Вот пожалуйста, посмотри.

Он взял в руки голову, безжизненно развалившегося рядом с Амалией Саши:

– Шура! Очнись! – он потряс его голову, и попытался пошлёпать по щекам Александра.

Промазав пару раз, Винсент вновь обратился к Амалии:

– Чего так нажрались?

– Отстань от него – он мёртв.

– В каком смысле «мёртв»? Мертвецки мёртв? Тьфу!

Мертвецки пьян?

– Мёртв! – заорала Амалия, насколько позволяли её силы

– И мы мертвы! Почти мертвы! Дело времени.

Девушка закусила губу и отвернулась от неприятного ей пьяного дурака.

– Да с чего бы? Мёртвые не бывают тёплыми. А Шурик тёплый.

Винсент вновь размахнулся и со всей дури врезал ладонью по щеке Саши. Тот тихо застонал. Из рта его запузырилась пена.

Стон Саши придал девушке сил. Она приподнялась и двинулась в сторону носа самолета. За незакрытой перегородкой располагался следующий мини салон авиалайнера. Здесь были не диваны, как в купе перед туалетом, а кресла, развернутые лицом друг к другу. С одной стороны прохода кресла стояли в два ряда, а с другой по одному. Между креслами размещались столики, уставленные бутылками и закусками. Здесь расположились Вельтман, Марго с Грэггом, а также Настя, Соня и Виолетта. Все они распластались в несуразных позах в огромных кожаных креслах. На коленях Марго с Грэ-

гом лежал стюард. Очевидно, он отключился прямо на ходу. Мгновенно. В руках он сжимал упаковку маленьких баночек минералки «Перье». Девушка с трудом отобрала у него баклажку. Открыв одну из банок она начала пить прямо из неё. Но этот процесс сразу же прервался. Девушке снова стало плохо. Содержимое желудка вырвалось наружу, разливаясь мерзкими лужами на столе:

– Мамочка! Я сейчас сдохну.

Ей было так плохо, что она встала на колени, положив голову на запачканный стол.

Винсент тоже добрался до минералки:

– Тут пакетики есть. Что ты поливаешь всё вокруг своей «блю вотой»?

– Иди к чёрту!

Винсент выпил залпом бутылку, а вторую вылил себе на голову!

– Бр-р-а!!! – помотал он мокрой головой, – Холодненькая. Не успела даже нагреться. Фу! Вроде легче! Скажи что-нибудь!

– Нас отравили, и мы сдохнем!

– Это я уже слышал. Дальше что?

– Откуда я знаю? Ты – мужик! Сделай что-нибудь!

– Понял!

Винс пьяно дёрнул головой, взял две банки минералки и пошёл приводить в чувство Александра.

Пока он возился с ним, девушка осмотрелась. В принци-

не самолёт был достаточно маленьким, чтобы видеть всех. В нём всего было семнадцать пассажирских мест. Условно весь пассажирский салон делился на три секции. В хвостовой части стояло два дивана. В середине помещалось шесть больших кожаных кресел с двумя столиками между ними. А в первом салоне было четыре таких же кресла, по два с каждой стороны прохода. Стояли они, как и в среднем салоне, лицом друг к другу. Семнадцатое место было расположено в нише перед кабиной лётчиков. Очевидно, что именно там за шторкой ждала своего выхода Билли Эйлиш. Кроме всего прочего, эта модификация самолета имела специальные двери, которые позволяли разделять салон на изолированные купе. Прозрачная дверь плавно выплывала из перегородки при нажатии кнопки. Одна из дверей отсекала туалетно-багажную зону в хвосте лайнера. Другая – секцию с диванами от средней части салона. Третья была установлена перед выходом из салона в кухонную зону.

В хвостовом купе, в котором очнулась Амалия, кроме неё было ещё пять человек. Рядом с Сашей, откинув голову на боковую спинку дивана, размякла Есения. Через проход от них безжизненно возлежали Марий, Агнесса и телохранитель Володя.

Винсент продолжал мучить Сашу. Амалии снова стало дурно, и она уже хотела куда-нибудь присесть, но вдруг краем глаза заметила, что у телохранителя дёргается веко.

– Эй! – она осторожно потрясла Сурганова за плечо.

Винсент, повернувшись, спросил:

– Тоже живой?

– Вроде бы.

Винс сразу подскочил и стал шлёпать крепкого телохранителя по щекам:

– Давай! Ты же такой кабан натренированный! Ну! Давай!

Неожиданно телохранитель вскочил и заломил Винсу руку.

– Ай! Больно! Отпусти!

Постепенно блуждающий взгляд Сурганова стал приобретать человеческое выражение. Он медленно разжал ладонь, отпустив парня. Винс потёр заломленную руку:

– Вс-с-с! А! Больно же! Не отравят, так покалечат.

Сурганов стал вертеть головой, увидел безжизненного босса и бросился к нему.

– Вот так! Представляешь? Цепной пёс. С того света выскочил и сразу хозяина спасать.

– Что? Ты уже пришёл в себя? – ухмыльнулась Амалия.

– Угу. Протрезвел маненько. Надо только опохмелиться чуток. Башка трещит. И в висках стучит. Где тут вискарь?

Он сделал шаг к столу второго салона.

Амалия разозлилась: вместо того, чтобы спасти друзей, Винс думает только о выпивке:

– Виски отравлен!

Рука парня замерла в воздухе.

– Впрочем нет. Я же его не пила.

– Вот ведь какая! Меня так просто не возьмёшь!

Далее он стал изображать разговор самого себя с собой:

– Если даже виски был отравлен, то что нужно делать?

Правильно. Надо пить дальше. Клин клином вышибают.

В голове у парня всё ещё был полный сумбур. Амалия присела, пытаясь немного прийти в себя:

– Да травись ты!

– Вот умру – что будете делать?

– Похороним.

– Злая ты. А если весь алкоголь был отравлен?

– Чем?

– Ну, не знаю. Метанолом, например.

– Никогда не слышала, чтобы в шампанском метанол находили. А я только шампанское пила.

– Дура. Может специально хотели папашу Марго на тот свет отправить. Шприцем набрызгали какого-нибудь цианида во все бутылки. Чтобы наверняка.

– Ну, да. От цианида ты на унитазах и уснул. Дурак, что ли?

– Я образно. Я не специалист в ядах.

– Специалист – не специалист, но вон – все валяются. Фу!

Как мне дурно!

– В алкоголе нет ядов, – вмешался в их разговор Володя. – Я ничего не пил. И тоже чувствую себя отвратно.

– Угу! Может они и в минералку какой-нибудь дряни налили, – не унимался любитель выпить, наливая себе очередную рюмку виски.

Телохранитель на секунду перестал делать искусственное дыхание Вельтману:

– Нет. Я и минералку не пил. Я всегда пью только из своей фляжки. Мне жена специальный напиток готовит с лимоном, крепким чаем и разными травками. Чтобы я всегда был в тонусе.

– Может они вам во фляжку тоже капнули.

– Как?

– Как, как? Вы оставляли её где-нибудь?

– Нет. Она у меня в кармане пиджака. А его я не снимаю никогда.

Он вспомнил об оружии и задрал полу костюма, обнажив портупею с пистолетом.

– Тогда может они еду тоже отравили.

– Еду? Не могли мы от еды одновременно все сознание потерять. Ели мы в Барнео давно. Если бы яд был мгновенным – то все там бы ещё отключились. На льдине.

– На какой льдине? – Винсент закусил долькой лимона.

– Винс! Не загружай! – крикнула девушка.

Сурганов продолжил рассуждения:

– И так как каждый ел сообразно своему аппетиту и возможностям организма, то при отравлении медленным ядом все начали бы отключаться ни как уж не одновременно.

Винсент:

– Ну а если, к примеру...

Амалия не выдержала и крикнула, не дав ему договорить:

– Заткнись, а? Достал уже своими инсинуациями. Хотел бухать – так бухай!

– Спасибо. А я что делаю? – Винсент невозмутимо протянул руку к другому краю стола и взял в руки чёрную бутылку. – Ух ты! Коньяк! Папа Марго его пил. Надо попробовать.

Он стал читать этикетку:

– Remy Martin Cognac Black Pearl Louis XIII. Нихрена себе названьице! Хм! Сгодится!

Винс открыл стеклянную пробку и наполнил коньяком бокал для виски:

– Будьте здоровы!

И он опрокинул его содержимое в горло так, как будто залпом выпил лимонад.

– Вау! Неплохой коньячишка. Бр-р-р!!! Я ожил! Что делать? – обратился он к Сурганову.

– Так, парень. Нужно найти аптечку. У кого-нибудь лекарства есть?

– У меня нет, – откликнулась Мала.

– У меня только коньяк и виски, – вздохнул Винс.

– Давай, парень! Ищи!

– Где хоть искать-то?

– Где-нибудь там, – указал телохранитель в сторону кабины пилотов. – Возможно они на кухне.

Винс потащился по проходу к голове самолёта.

– Леонид Вячеславович! Леонид Вячеславович! Давай, – Сурганов непрерывно тискал Вельтмана, вдыхая ему изо рта

в рот воздух.

– Он живой? – спросила Амалия.

– Живой. Но что-то сильно отключился. Ты чего сидишь? Давай кого-нибудь тормоши.

– Зачем? Может сами отойдут.

– Угу! Сдохнут с такими друзьями. Мы не знаем, чем отравились. Может это газы?

– Что-то ничем не пахнет.

– Девочка, я понимаю, что тебе трудно. Но заставь себя. Подруги ведь это твои.

– Да не могу я. Тошно мне.

– Тебе шевелиться надо. Это тебя и спасёт. И пей больше воды.

– Зачем?

– Чтобы вырвало.

Напоминание о рвоте пришлось кстати. Девушку снова обильно прополоскало.

– Это хорошо. Отрава выходит. Нам нужно торопиться, чтобы все успели проблеваться, пока токсины печень и почки не отключили.

Винсент скачками прибежал обратно в сильно возбуждённом состоянии.

– Нашёл?

– Нет! Там стюардесса на полу лежит.

– И что?

– У неё глаза открыты. Она на меня уставилась.

– Помог бы ей!

– Она сдохла! Мёртвая!

– Парень! Если ты не найдёшь аптечку, возможно мы все здесь сдохнем.

– Вот дурак! Ы-ы-ы, – неожиданно всхлипнул Винсент, – блин, мать не хотела меня пускать, как чувствовала.

Он вытер набежавшую слезу и шмыгнул носом. Увиденное наглядно ему продемонстрировало: угроза их жизни – это реальность.

– Пилотов видел?

– Нет. Я не дошёл.

Сурганов прекратил экзекуции над шефом. Все его попытки были тщетны. Он подошёл к стюарду, лежащему на коленях Маргариты и Грегори, схватил его за шиворот и притащил в хвостовой мини-салон. Там телохранитель бесцеремонно воткнул тело стюарда на то место, где 10 минут назад сидел он сам. Сурганов нагнулся над лицом парня, приоткрывая ему веки и заглядывая в рот.

Амалия встала и осторожно выглянула из-за плеча Володи:

– Он мёртвый?

– Нет. Пузыри пускает. Значит, живой.

Телохранитель распечатал две банки «Перье». Одну опорожнил на голову Станиславу. А другую, нажав сильными пальцами на челюсть стюарда, стал вливать ему в горло. Стас выбросил струю рвоты так резко, что Володя не успел отско-

чить:

– Вот так, парень! Хорошо! Сейчас всё будет нормально.

Он вновь схватил его за шиворот и потащил в туалет. Перед дверью туалета Сурганов повернулся и крикнул:

– Винсент! Иди сюда!

– Мне кажется, что я тоже отравился. Что-то я обмякаю, – пробормотал Винс, сползая вдоль дверной перегородки.

– А! – Сурганов разозлился и сильно ударил стюарда по лицу: – Очухивайся, парень! Мне помощник нужен! А то все тут подохнем на этом самолёте. Давай! Пей!

И он сунул в вялую руку Стаса банку минералки. Затем развернул его к унитазу лицом и крикнул в ухо:

– Давай, сам пей! – телохранитель схватил стюарда за руку с банкой и прижал её так, чтобы минералка лилась прямо в рот: – Не сопротивляйся! Пей! Иначе умрёшь.

Парня снова вырвало. На этот раз в унитаз.

– Ещё! Ещё! Давай, парень, пей.

В это время Мала увидела поникшего Винсента, сидевшего на полу с опущенной головой. Она закричала:

– Извините, как вас? Винсент вырубился!

Сурганов крикнул Стасу на ходу:

– Вот ещё две банки на умывальнике стоят. Я сейчас вернусь. Чтобы всё у меня выпил!

– Ага, – пробормотал еле живой стюард.

– Чего тут без меня стряслось? – видимо здоровье у телохранителя было крепким. Он двигался быстро и сосредото-

чено.

– Вот! – указала на Винсента Мала. – Может, виски отравлен?

Сурганов потрогал запястье безжизненной руки парня и приоткрыл ему пальцами веки:

– Да, нет. Старые спирты растворил.

Он ударил Винса по щеке и тот что-то проворчал в ответ. Мала выглянула из-за плеча телохранителя:

– Что с ним?

– Пьяный. Хотя, возможно, какую-то минимальную дозу всосал.

Он схватил любителя выпить за шиворот и посадил на свободное место на диване. После этого он вновь затормозил Винса. Тот в ответ матом послал всех куда подальше.

– Эх, парень! Нельзя тебе пить. Плохо кончишь. Да... Он нам не помощник.

Мала:

– Что мне делать?

– Помогай! Делай вот ему искусственное дыхание, – Сурганов указал на Сашу.

– Изо рта в рот? Меня вырвет.

– Тогда хотя бы руки его води вверх – над головой, вниз – по телу. Затем три раза дави на грудную. Затем усади и опять положи. И заново повторяй. Надо ему лёгкие провентилировать.

– А что у него с лёгкими?

– Сдаётся мне, девочка, что мы здесь все газом надышались.

– Каким газом?

– Какой-то газ нехороший в салоне распылили. Но, слава богу, не нервнопаралитический.

– Как вы определили?

– Если бы против нас применили боевое отравляющее вещество, то уснувшего человека без антидота было бы уже не воскресить. Сам он не придёт в себя. Никогда.

– Это как в Солсбери?

– Не знаю я, как в Солсбери. Но мы с тобой очухались сами. Разговариваем, ходим, что-то делаем. И всё без лечения. Значит, этот газ не химоружие, – Сурганов всё это говорил, попутно проверяя состояние девушек из «диванного» купе.

– И что это тогда?

– Похоже на какой-то вид «сонного газа». Не берусь говорить какой. Возможно, что в данном случае основа – фентонил или близкое к нему вещество. Вот только, как мне кажется, смешали его с каким-то тяжелым газом, возможно с неодорированным бутаном. Поэтому этот газ опустился на пол. Парень пошёл на кухню и ногами мог его перевероршить, поднять вверх к дыхательным путям. Возможно, что так. Только доза у него, если он её получил – минимальная. Много времени прошло. Газ в основном через систему вентиляции улетучился. Поэтому, я думаю, что всё с нашим пьянчужкой будет нормально.

Винс открыл глаза и закашлялся.

Володя:

– Вот молодец! Не спим. Не спим!

Амалия:

– Подождите! Но бутан, насколько я понимаю, взрывоопасный газ.

– Хороший вопрос. Всё дело в концентрации. Помещение у нас маленькое. Но распыление даже литра бутана в таком самолёте не окажет никакого особого влияние на здоровье человека. Я уже не говорю об опасной концентрации для взрыва. Другое дело, что в него добавили? Есть вещества, капли которых достаточно, чтобы отравить всю Москву. Здесь в носитель тоже было добавлено мизерное количество отравляющего газа. Проблема, как его распылить. Проще распылить из баллончика со сжатым газом. Но это же делали не на заводе. Я имею ввиду готовили акцию против кого-то из нас. Поэтому воспользоваться могли только доступным для всех газом. А пропан-бутан – это как раз тот случай.

Из дверей туалета вывалился, держась за косяк, Стас:

– Я уже нормалёк. Сейчас приду в себя.

– Нормалёк, – проворчал Сурганов. – Выпей ещё две банки. Затем закрой эту дверь, – указал он на задвижную герметичную дверь, – и три минуты как можно активней побегай на месте. Подвигайся. Провентилируй лёгкие. Может тогда и будешь – «нормалёк».

– Понял, – кивнул парнишка и нажал на кнопку.

Овальная дверь вылезла из перегородки и плотно изолировала туалетный отсек от остального салона самолёта.

– Это зачем вы его закрыли?

– Там самый чистый воздух. В туалете всегда вентиляция работает лучше.

Сурганов прошёл в среднее купе, где стал щупать пульс у своего босса:

– Хреново, шеф! Возраст у тебя уже не для таких отравлений.

Он повернулся к Амалии:

– Девочка, работай с этим парнем. Саша его зовут? А я попробую найти ещё какого-нибудь помощника.

В это время началась рвота у Агнессы.

– Так, так, так! – телохранитель опустил её голову между колен. – Вот хорошо! Главное не захлебнись. Зовут меня, кстати, Володей, – обратился он к Амалии.

– Вы можете называть меня Малой.

– Так вот, Мала, увидишь, что кого-нибудь рвёт, помоги. Не дай захлебнуться. Отравленные от этого часто умирают.

Сурганов отвалил от Агнессы обмякшее тело Мария:

– Ну? Что у нас здесь с твоим дружкой? Пульс нормальный. Глаза не особо расширены. На свет реагируют. Да тебя, парень, пора воскрешать!

И он стал приводить в чувство Мария.

Через пять минут к нему на помощь пришёл Стас. Совместными усилиями они смогли привести в божеское состо-

яние всех, кто находился в хвостовом купе салона самолёта. Когда Есения с мокрой головой выходила из туалета, подерживаемая сильными руками Амалии, на неё уже вполне осмысленно смотрели Мар, Саша и Агнесса. Даже Винсент, разбуженный телохранителем, уже стоял в проходе и всеми возможными способами пытался избавиться от икоты.

– Мы летим уже сорок пять минут, – посмотрел на часы Сурганов.

– И что? – спросила Мала

– Время бежит быстро. Надо торопиться спасти остальных.

Он повернулся к Стасу:

– Теперь скажи мне, дорогой, какие лекарства есть на борту самолёта?

– На кухне большая аптечка. Ещё одна у кабины лётчиков. Там обычный набор лекарств.

– Активированный уголь хотя бы есть?

– Думаю, есть.

– Тащи их сюда. Стоп! – схватил он шустрого парня за руку, – Иди осторожно. Медленно перебирая ногами. Не загребай! Это будет быстрее.

– Зачем?

– Думаю, что по полу стелется отравляющий газ. Постарайся не надыхаться им. Стоп! – он снова схватил парня, на этот раз за штаны, – Там твоя подруга на полу лежит. Не трогай её. Судя по всему, ей уже не поможешь. Даже не ше-

вели. А то сам не вернёшься. Иди. Не стой уже! Иди говорю!

Эти слова оказали на парня сильное впечатление. Но он, медленно шагая, всё же двинулся в сторону носа самолёта.

– А что с лётчиками? – поинтересовался Марий.

– Не знаю. Пока не знаю. Сейчас сначала Стас вернётся, а потом я пойду. Постараюсь всё выяснить.

– Почему бы не пойти прямо сейчас?

– Дождёмся парня.

– А если у нас уже нет лётчиков?

– А если я пойду и не дойду? Вы одни затем справитесь? То-то же! Может, лётчикам уже и не поможешь. Но у нас есть ещё шансы. Мы ведь летим.

Винсент с сомнением мрачно произнёс:

– Шансы? Без лётчиков? Ситуация безвыходная.

– Как говорит мой босс: «У вас беда? Напала саранча? Позовите китайцев – и вы на этой беде сможете неплохо заработать». Так что выход есть всегда. Надо только не раскисать.

Он встретился взглядом с Агнессой. Она смотрела на него выпученными от ужаса глазами:

– Всё будет хорошо, девочка. Всё хорошо!

– Не будет, – проканючила сквозь слёзы Агния.

– Будет! А чтобы было всё хорошо, давайте не сидеть сложа руки. Переходим в следующий салон и разбираем пациентов. Делаем искусственное дыхание, тормозим, шлёпаем по щёкам. Можно сильно. Затем отпаиваем так, чтобы хорошо проблевались. Следите, чтобы не захлебнулись.

– А если не будут блевать? – спросил Мар.

– У тебя два пальца есть?

Марий кивнул больше глазами, чем головой.

– Не побрезгуй товарищем. Суй ему их в рот.

Когда они занялись «лечением» обитателей второго купе, вернулся Стас:

– Хреново, – пробормотал он угрюмо, – Алина умерла. Пилоты закрылись и не отвечают. Но парень в кресле рядом с кухней хрипит. Значит живой. Вот! – он положил два кожаных чемоданчика на стол.

– Мала! Кто у нас в передних креслах сидит?

Девушка обвела всех взглядом:

– Да! Там Фима с Алисой при посадке сели.

– Что у тебя здесь? – Сурганов указал Стасу пальцем на пакет, который тот держал под мышкой.

– Это перед вылетом курьер привёз. Сказал, что это лекарства от отравления.

Все переглянулись.

– Давай сюда, – Володя высыпал содержимое пакета на стол. – Нет. Это не то, что вы подумали. Здесь нет злого умысла.

На столе лежали таблетки «Мезима», «Анальгина» и подобные им, которые народ в России традиционно употребляет при похмелье и переедании. Но было там и два больших тюбика.

– О! – воскликнул Сурганов, взяв их в руки. – Это же то

что нужно! Великий «Энтеросгель». Какие-нибудь ёмкости на борту есть?

– Э-э. Есть. Ведёрки для охлаждения шампанского.

– Тащи всё сюда. И не забудь побольше воды принести, – он повернулся к Саше, который уже давно пришёл в себя и теперь, зевая, одиноко стоял в проходе между средним и хвостовым отсеками салона. – Тебя ведь Саша зовут?

– И что из этого?

– Ты же ничем не занят. Сходи со Стасом.

– Он что сам не принесёт?

– Принесёт.

– Ну и пусть тащит.

– Ты пойдёшь и поможешь, – голос Сурганова звучал чётко и уверенно.

– Чего ты командуешь?

– Если не пойдёшь, я тебе в ухо дам.

– Кто? Ты?

– Я.

– Не боишься?

– Кого? Тебя?

– Да пошёл ты!

Сурганов не сильно, но резко ударил Александра в солнечное сплетение и тот свалился на пол. Но телохранитель тут же поднял его за шиворот и усадил на кресло:

– Осторожно! На полу валяться нельзя. Все встали и постояли две минуты пока газ опять не осел. Так ты пойдёшь?

Или повторить? В следующий раз дам в ухо. Как и обещал. Будет больно.

– Угу. Когда вернёмся, ты об этом пожалеешь.

– У меня задача, чтобы мы вернулись, – Сурганов обвёл всех строгим взглядом. – Все поняли? Иди, – он легонько подтолкнул Александра в сторону кабины пилотов. – Забудь обиды и иди спасать себя и своих друзей. Только осторожно, медленно, не загребай ногами.

Володя вытащил из аптечек пачки с чёрными таблетками и бросил их на стол:

– Девчонки, быстренько давим активированный уголь и растворяем порошок в воде. Используем ложки, бокалы и минералку. А ты парень, – обратился он к Мару, – тащи Маргариту в хвостовой салон. Будешь её воскрешать.

Мара не надо было два раза просить, он сразу унёс девушку на диван.

– Так! Тебя Винсент зовут? Сможешь вот этой девушке помочь? – указал он на Виолетту.

– Смогу. Ик!

– Смотри! В твоих руках её жизнь.

– Ик! Винсент и Виолетта. Звучит красиво! – он взял девушку на руки и, слегка покачиваясь, направился вслед за Маром.

– Мала! Делай потихоньку искусственное дыхание Леониду Вячеславовичу. А вы, – он обратился к Есении и Агнии, – занимайтесь вот этими девушками, – указал он на Анаста-

сию и Соню.

Сам же Володя стал трясти и шлёпать по щекам Грэга.

В это время Саша и Стас принесли пять ведёрок для льда и три упаковки питьевой воды.

Сурганов стал готовить снадобье, выдавливая в ведерки из тюбиков «Энтеросгель».

– Отличненько! Сейчас-сейчас! Всех отпоим.

Затем он вылил в ёмкости залитые водой таблетки активированного угля. Всё это он размешал ложкой и залил содержимое питьевой водой, заполнив ведёрки до краёв. После этого он ещё раз осмотрел содержимое аптечек:

– О! Тут и ампулы с нашатырём. Отлично! Так! – обратился ко всем телохранитель. – Пять эликсиров молодости и здоровья готовы. Это тебе, это тебе, это тебе, – он раздал ведёрки Мару, Саше, Винсенту и Стасу. – Задача! У каждого из вас свой подопечный. Вернее, подопечная. Вы отвечаете за их жизнь. Приведите их в чувство – дайте понюхать нашатырного спирта. И после этого постарайтесь влить в них как можно больше вот этого эликсира. Чем больше будет рвотный эффект – тем лучше. Только следите, чтобы они не захлебнулись, когда вы будете их поить. Ну, естественно, и тогда, когда их будет выворачивать наизнанку. И заставляйте их дышать. Любыми способами. Девчонки, вот вам тоже ведёрко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.